

Даниил Дмитриевич ЧЕКАНОВ¹

УДК 930

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930-Х ГГ.: ДИСКУССИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

¹ магистрант направления «Историческая урбанистика»,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
stud0000104020@study.utmn.ru

Аннотация

В статье анализируются подходы отечественных постсоветских исследователей к использованию следственных дел НКВД как исторического источника для реконструкции причин, динамики и последствий политических репрессий 1930-х гг. Определяются позиции участников дискуссии по ключевым проблемным вопросам, связанным с полнотой и достоверностью информативного потенциала следственных дел, интерпретацией содержащихся в них сведений, выбором методологического инструментария источниковедческой критики. Установлено, что на современном этапе развития исторической науки обращение исследователя к традиционным методам и приемам анализа названного вида исторических источников сочетается с использованием новых подходов, позволяющих вести «диалог» с предполагаемым автором документа, в качестве которого могут выступать как подследственное лицо (автор жалоб, писем и др.), так и работник следственных органов (составитель протоколов допросов, отчетной информация и др.). В сочетании с другими факторами такая практика не только расширяет исследовательское пространство проблемы, но и смещает ракурс ее научного анализа к сюжетам, не получившим адекватного отражения в работах историков и в лучшем случае представленных фрагментарными сведениями. Предлагаются рекомендации, которые позволяют повысить результативность научных исследований в данной области исторической науки. В этой

Цитирование: Чеканов Д. Д. Следственные дела как источник изучения политических репрессий 1930-х гг.: дискуссии в постсоветской историографии / Д. Д. Чеканов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 247-261.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

связи актуализируется проблема ограниченного доступа ученых к широкому комплексу архивно-следственной документации. Показано, что снятие или «смягчение» сохраняющихся ограничений является важным условием формирования целостного и системного научного представления о таком сложном и нетривиальном виде исторического источника, как следственные дела НКВД.

Ключевые слова

Политические репрессии 1930-х гг., постсоветская историография, архивно-следственные дела, «архивная революция».

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

Введение

Одним из результатов «архивной революции» 1990-х гг. стало рассекречивание части документов по истории сталинских репрессий, в том числе материалов следственных дел органов НКВД, проблема полноты и достоверности информационного потенциала которых сразу же вызвала острую полемику среди исследователей, непрекращающуюся до сих пор. Анализ этих споров и дискуссий имеет важное научное значение, тем более что в последние годы наметилась тенденция к комплексному пересмотру суждений и выводов историков «ельцинского лихолетья» по вопросу о применении в научной практике названных материалов, предлагаются новые методы их источниковедческого анализа. Эти методы позволили источнику «заговорить» иначе, предоставив исследователям возможность выработать новые подходы к изучению внутриведомственных, процессуальных и социальных аспектов политических репрессий 1930-х гг. В условиях, когда в научный оборот вводится все больший объем документов, содержащих уникальные сведения, задача дальнейшей разработки качественного методологического инструментария для работы с архивно-следственными делами приобретают особую актуальность. Целью данной статьи является анализ научных проблем, вызванных противоречивостью содержания такого нетривиального источника как следственные дела НКВД. В отечественной историографии эта сюжетная линия фрагментарно рассматривалась в работах С. И. Быковой, А. Р. Дюкова, А. В. Луцишина. Однако, анализ дискуссионных вопросов не получил в них адекватного отражения. В предлагаемой читателю статье впервые дается развернутая характеристика источниковедческих подходов и дискуссий, связанных с использованием следственных дел НКВД в постсоветской историографии, предлагаются рекомендации, которые позволяют повысить результативность научных исследований в данной области исторической науки.

Методы

Теоретической основой исследования избрана теория интеллектуальной истории, которая учитывает как объективные, так и субъективные факторы и обстоятельства

формирования научного дискурса — организация научных исследований, социокультурная среда, социально-политическая конъюнктура, личность и убеждения ученого. Методологической базой исследования избраны проблемно-хронологический, дискурсивно-аналитический, компаративистский методы. Эти методы позволили сравнить позиции исследователей, структурировать и обобщить научные подходы, сформировать целостную картину проблемных вопросов, дискутируемых постсоветскими историками в отношении сложного и важного исторического источника.

Результаты исследования и их обсуждение

Август 1991 года в истории нашей страны стал не только социально-политическим потрясением, спровоцировавшим системные трансформации в государственно-административной структуре, но и перманентным вызовом перед отечественной исторической наукой. Открытие дверей ранее секретных ведомственных архивных фондов, в частности фондов архива КГБ СССР, вызвало определенный диссонанс. С одной стороны, перед отечественной наукой открылись новые горизонты ранее не изученных документов. С другой — антиномия содержащихся в этих документах сведений вызвала серьезные вопросы у ученых, а порой даже скепсис и тотальное неприятие. В этой связи внедрение в научный оборот архивно-следственных дел НКВД как источников изучения истории политических репрессий 1930-х гг. стало краеугольной темой для полемики и дискуссий в постсоветской историографии.

Вопросы, сформулированные исследователями к данным источникам, продемонстрировали наличие широкого спектра источниковедческих проблем. В первую очередь возник первоочередный классический вопрос о полноте и достоверности информации, содержащейся в материалах следственных дел. Эта проблема остро обсуждалась еще и потому, что представителями отечественной науки нередко озвучивались противоположные позиции, ангажированные политической конъюнктурой. Процесс научного погружения в содержание источника выявил очередную проблему — интерпретации сведений, содержащихся в источниках. Исследователи, убежденные в том, что отбрасывать такой важный исторический источник не только невозможно, но и не профессионально, зафиксировали ряд вопросов, на которые способны дать ответ архивно-следственные дела НКВД при их должном изучении. В этой связи, в постсоветской историографии была сформулирована очередная проблема — подходов и методов источниковедческой критики. На сегодняшний день существует принципиально разные по своему методологическому инструментарию подходы. Рассмотрим позиции ученых и разворачивающиеся на этом фоне дискуссии по каждой конкретной проблеме более детально.

Проблема полноты и достоверности

Появление возможности просмотра и изучения целого комплекса судебно-следственной документации вызвало неоднозначные оценки. Порой в отечественной

публицистике звучали крайне эксцентричные призывы — вовсе «не публиковать полностью сфальсифицированные следственные дела эпохи советского тоталитаризма!». На протяжении 1990-х гг. скепсис отечественной публицистики к материалам архивно-следственных дел, нередко подкрепляющийся ангажированной политической позицией, во многом влиял на формирование научно-исследовательского дискурса. Так, А. Л. Литвин писал: «Следственные дела времен Большого Террора — исторический источник российского тоталитаризма, свидетельство его беспощадности, тупой жестокости, отсутствия признания им каких-либо прав человека и человечности» [11]. Однако к концу 1990-х гг. в свет вышел ряд работ, в которых отражалось иное отношение к источнику и признавалось, что высокая степень фальсификации не может быть основанием для отказа от его публикации. В поздних работах Литвин констатировал, что даже в самых сфальсифицированных документах возможно найти действительно подлинные сведения, собирая их по крупицам в отдельных свидетельствах материалов следственных дел [10].

Подобную позицию в академическом тандеме высказывали Б. В. Ананьич и В. М. Панеях. По их мнению, следственные дела НКВД являются «сценарным» произведением эпохи советского тоталитаризма, в котором содержится ограниченное количество слов правды о реальных действиях «жертв» политического террора. Однако, ученые были всецело убеждены в необходимости публикации следственных дел и утверждали, что «в основной своей массе это сфабрикованный источник, но это не может быть основанием для отказа от публикации „дел“ подобного рода» [1].

В. В. Поликарпов разделял тезис об архивно-следственных делах как «сценарных» произведениях. Высказывая собственную оценку по вопросу их полноты и достоверности, он акцентировал внимание на ином качестве этих источников, которое выражалось в том, что показания осужденных содержали в себе заранее продуманный «сценарный замысел». Этим фактом автор объяснял тотальность фабрикации следственных дел.

На позднем этапе постсоветской историографии «сценарный» характер содержания подобных документов обосновывался в работах А. Б. Суслова. Проанализировав деятельность пермских чекистов в 1937-1938 гг., он констатировал: «Работа сотрудников НКВД заключалась не в проведении объективного расследования, а в массовых фальсификациях, основанных на подлоге, насилии и т.д.» [19]. Историк полагает, что на подобных методах строилась работа карательного ведомства в целом, а действия пермских чекистов были очередным проявлением этой методики в частом случае. В статье описывались основные механизмы и методы работы органов НКВД, акцентировалось внимание на том, что протоколы допросов обычно составлялись руководителями следственных групп. Более того, Суслов охарактеризовал такие механизмы работы следственного ведомства как «разделение труда» в процессе фальсификаций, «камерная обработка» заключенных, склонения подследственных к самооговорам, подлоги и т. д.

К началу 2000-х гг. сформировалась иная точка зрения в оценке полноты и достоверности архивно-следственных дел. Часть авторов не приняла тезис о «сценарном» характере содержания этого вида источников и полагала, что при работе с ними необходимо учитывать конкретно-исторический контекст, условия, в которых они создавались. Так, В. И. Бакулин, изучая дело ЦК ТКП пришел к выводу об отсутствии оснований для недоверия к содержащейся в нем информации. Исходя из тезиса о «соответствии процесса следствия контексту эпохи», он утверждает: «Информация, полученная следователями объективна, а показания допрашиваемых не являлись вынужденными самооговорами» [2]. Автор констатировал, что не смог обнаружить в архивах документов, содержащихся сведения о насильственных методах воздействия на обвиняемых.

В этой связи следует обратить внимание на проблему доступа к материалам архивно-следственных дел. Думается, непоследовательный характер процесса рассекречивания этих документов становится причиной манипуляции фрагментарными сведениями в работах ряда историков. Нетривиальные выводы Бакулина вызвали негативную реакцию в исследовательской среде. Так, С. И. Быкова раскритиковала положения, выдвинутые автором, и предъявила справедливые претензии, содержание которых включало требование указания тех источников, «объективность информации которых для Бакулина „несомненна“» [4].

В основе нового подхода к вопросу о полноте и достоверности источников лежало представление о том, что при работе с противоречивыми по своей сути материалами архивно-следственных дел необходимо учитывать целый комплекс объективных и субъективных факторов. Такой позиции придерживались С. Н. Романова, А. В. Репников, А. В. Луцишин, А. Г. Тепляков, А. Ю. Ватлин, А. Р. Дюков, А. Н. Дугин и др.

Романова, изучая архивно-следственные дела духовенства 1937-1938 гг., подчеркивала особенности, на которые необходимо обращать внимание при рассмотрении подобных источников. Историк отмечала, что состав дел внесудебного следствия значительно отличается от дел, рассматривавшихся в судебном порядке. Более того, Романова настаивала на глубоком погружении в контекст создания источников, так как объективная интерпретация сведений, может быть достигнута только после того, как исследователь поймет «основу взаимоотношений авторов» документов [18].

В статье Быковой справедливо резюмировалось: «Нельзя использовать сведения, содержащиеся в протоколах, если нет возможности верифицировать их другими документами» [4]. Думается, такая методологическая операция совершенно справедлива, поскольку восходит к основам классической источниковедческой критики и положению о перепроверке данных иными независимыми источниками. Более того, аргументируя тезис о необходимости учета факторов, способных повлиять на степень фальсификации в конкретном деле, историк обращает внимание на личность следователя, обстоятельства конъюнктурного характера — ведомственные установки и идеологические задачи. Позднее тезис об учете факторов, влияющих на степень достоверности дел, повторили Дюков и Дугин.

Репников также разделял позицию об «осторожности» в процессе изучения источника. По его мнению, следственные дела не только необходимо публиковать, но и вводить в научный оборот «с обстоятельным комментарием» и «наивысшей долей критики» [16].

Убедительной представляется позиция Луцишина, который предлагал рассматривать архивно-следственные дела сугубо конкретно и избирательно. Ученый выразил несогласие с теми историками, которые разделяли тезис о всеобщем «сценарном» характере составления дел и указал на несостоятельность этого утверждения. «Очевидно, не стоит ставить знак равенства между судами над лидерами внутрипартийной оппозиции 1936-1938 гг. и, к примеру, делом ЦК Трудовой крестьянской партии» [12]. Думается, подобный конкретный и избирательный подход уместен и к рассмотрению «массовых» документов следственных дел эпохи политических репрессий 1937-1938 гг.

Олицетворением особого критического подхода к рассмотрению источников является позиция Ватлина, которая получила отражение в фундаментальной работе «Террор районного масштаба: массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг.». Историк считал материалы следственных дел «массовым и очень ценным источником о внутренней жизни карательного ведомства, позволяющим увидеть и понять действие механизма репрессий» [5]. Наиболее ценным является всестороннее воссоздание картины процесса ведения следствия на материалах одного из административно-территориальных районов Московской области. Помимо необходимости использования критического подхода, в работе ученый обращал внимание на возможность проверки, перепроверки, уточнения и дополнения информации иными источниками — свидетельствами уцелевших жертв, материалами внутриведомственных и прокурорских проверок. Исследовательскую позицию Ватлина разделяют Тепляков и некоторые другие исследователи.

Таким образом, новый подход в дискуссии о полноте и достоверности источников базируется на идее о противоречивой природе архивно-следственных дел. Принцип конкретности, перепроверки данных, учета разных факторов, т. е. базовые принципы источниковедческой критики явились основой в процессе кристаллизации этого подхода.

Проблема интерпретации сведений

Наряду с проблемой полноты и достоверности материалов архивно-следственных дел, в постсоветской историографии была поставлена проблема интерпретации содержащихся в них сведений. Так, обратив внимание на высокий уровень информативности данного вида источников, Ватлин и Тепляков высказали предположение, что данная оценка относится не только к показаниям жертв репрессий, но и суждениям следователей.

С другой стороны, существует точка зрения о складывании в органах НКВД каноничности формулы обвинения через призму которой крайне трудно определить характер личностей следователя и подследственного. Эту точку зрения

разделяют С. И. Быкова и С. В. Терехов. Так, Терехов указывал, что протоколы допросов дают возможность убедиться только в противоречивости и надуманности предъявляемых обвинений. В свою очередь Быкова считала, что нередко текст московских обвинительных протоколов становился каноном для региональных управлений НКВД.

Помимо критики информативности протоколов допросов, Быкова выделила ряд документов, обладающих высоким информативным потенциалом — справки, характеристики, письма и записки арестованных, их жалобы и заявления, некоторые другие документы, включение которых в научный оборот позволяет проанализировать характер отношений между следователем и подсудимым, реконструировать историю его ареста, условия содержания и факты произвола со стороны сотрудников НКВД. Кроме того, каждый конкретный документ в следственном деле может содержать сведения о настроениях в обществе, процессе формирования в массовом сознании образа «врагов народа», других аспектах истории политических репрессий 1930-х гг.

В этой связи заслуживающими внимания являются взгляды постсоветских историков на воссоздание картины советской повседневности и советской субъективности при помощи материалов архивно-следственных дел. В частности, М. Н. Потемкина считала следственные дела базовым источником изучения сюжетов советской повседневности. Она обратила внимание на многоаспектность информации, содержащейся в архивно-следственных делах, при помощи которой возможно воссоздание панорамы повседневной жизни сталинской эпохи.

В подобной логике выстроена позиция С. В. Бондаренко. На одном из семинаров «Открытого списка» под названием «Как читать следственное дело» он озвучил тезис о «поэтике» следственного дела, отметив, что при его изучении необходимо обращать внимание на мелкие детали в анкете арестованного, ордере ареста и обыска, а также фотографиях, прикрепленных к делу. Бондаренко указывает на способность исследователя к интерпретации каждой детали, на первый взгляд кажущейся несущественной. Таким образом возможно попытаться воссоздать представления рядового советского человека, осужденного по политической статье.

В связи с этим вызывает интерес точка зрения А. В. Репникова, который считает, что протоколы допросов выступают «вынужденными воспоминаниями» подсудимых, от которых «зависела их судьба и жизнь, что не могло не влиять на достоверность сообщаемых ими сведений» [16]. В своей работе автор приходит к оригинальным выводам. Он утверждает, что «вынужденные воспоминания», т. е. показания осужденных, получившие отражение на страницах протоколов допросов, в некоторых случаях могут содержать более достоверные сведения с фактологической стороны в сравнении с их личными мемуарами.

Заслуживающим особого внимания в этой связи является исследование А. Н. Дугина, который на основании ранее не публиковавшихся материалов архивно-следственных дел, обосновал концепцию разворачивающейся в кулуарах центрального аппарата управления НКВД борьбы за власть в 1937-1938 гг.

В частности, изучив протоколы допросов и показания осужденных чекистов И. И. Шапиро, С. Я. Зубкина, В. А. Ульмера, Э. П. Сальня, автор пришел к выводу о существовании в центральном аппарате управления НКВД заговора, целью которого было «насильственное устранение существующих руководства партии и правительства, а также создание нового правительства из числа заговорщиков во главе с Н. И. Ежовым» [6]. Дугин обращает внимание на структуру и продуманную тактику ведения допроса, которая позволила следователям получить наиболее полные и достоверные свидетельства от обвиняемых. Кроме того, на основании анализа данных материалов архивно-следственных дел, автор выдвигает гипотезу о том, что применение мер физического воздействия к заключенным не было обусловлено директивными решениями партийных органов, а только наличием соответствующей санкции руководства УНКВД. В целом, авторская концепция, в основе которой лежат ранее не опубликованные источники имеет право на существование. Однако в процессе рассекречивания новых документов ЦА ФСБ РФ могут появиться сведения, которые либо уточнят положения, выдвинутые историком, либо полностью их опровергнут.

Е. Ю. Нуйкина отмечает наличие в архивно-следственных делах просопографического потенциала. В частности, изучая историю репрессий против духовенства в 1930-1940-е гг., она пришла к выводу, что в некоторых случаях следственные дела являются единственным источником биографии жертв репрессий. Нуйкина указывает, что использование такой уникальной информации «зачастую представляет единственную возможность восстановить обстоятельства последних дней жизни человека» [14].

Е. М. Мишина показала, что привлечение материалов архивно-следственных дел может помочь в изучении социальной истории. В частности, ей удалось реконструировать социальный портрет репрессированных, описать их социальные характеристики. Личные следственные дела, по замечанию исследователя, могут стать основой для восстановления судеб людей и изучения семейной истории [13].

В этой связи необходимо выделить сюжетную линию процесса формирования в постсоветской историографии единой базы данных жертв политического террора. Архивно-следственные дела выступают первичным источником сведений, с помощью которых появляется возможность перманентного пополнения справочной информации об осужденных и репрессированных в 1930-е гг. Этот аспект не раз отмечался в работах и выступлениях Бондаренко и Мишиной, которые являются организаторами проекта «Открытый список», направленного на формирование подобной базы данных.

Таким образом, информативный потенциал материалов архивно-следственных дел неоспорим. Исследователями предложены разнообразные трактовки в сюжетных вопросах истории политических репрессий, а также установлено, что привлечение информации из данного вида источников позволяет восполнить научные пробелы, существенно расширить объем накопленных знаний. Однако краеугольной проблемой, возникающей в этой связи, остается вопрос о методах источниковедческой критики.

Проблема метода источниковедческой критики

Своеобразие развития постсоветской историографии в 1990-е гг. нередко характеризуется термином «парадоксальная ситуация» [8], который предложил архивист А. В. Елпатьевский. В это время часть публицистов поспешила объявить материалы следственных дел тотально сфальсифицированными, обосновывая такой вывод тем, что все показания были «выбиты» из обвиняемых. Это обстоятельство для ряда авторов выступало аргументом в признании непригодности использования этого вида документов в качестве исторических источников. Однако опыт отечественного источниковедения демонстрирует иное качество. Невозможно не согласиться с тезисом С. Н. Романовой, которая писала: «Историческая наука имеет огромный опыт использования судебно-следственных дел, возникших в различные исторические периоды» [16].

Думается, проблема отсутствия полноценного источниковедческого анализа в постсоветской историографии была впервые обозначена А. Л. Литвиным: «Эти дела по праву называют сфабрированными ОГПУ-НКВД. Вероятно, здесь одна из причин — отсутствие критического анализа подобного рода источников. Действительно, зачем обращаться к документу, если уверен в его сфальсифицированном содержании...» [11].

На сегодняшний день существует несколько методологических подходов по работе с материалами следственных дел — «сценарный» метод, «дискурсивный» метод и метод учета факторов и двойной перепроверки данных. Каждый конкретный метод складывался на разных этапах развития постсоветской историографии при учете научных представлений историков о данном источнике и имеет свои достоинства и недостатки.

Б. В. Ананьич и В. М. Панях впервые предложили научному сообществу полноценный методологический подход по определению достоверности исторических фактов, содержащихся в материалах следственных дел и протоколах допросов следователей НКВД. Формулировка данного подхода может сводиться к следующему положению — крупницы достоверной информации следует искать в случайных показаниях осужденных, не соответствующих «сценарию», который постулировался стороной обвинения.

Думается, «сценарный» подход может распространяться на крупные политические дела, где общепризнан и научно установлен сфабрированный характер их содержания. Однако, применение такого подхода к «массовым» следственным делам невозможно ввиду учета всех обстоятельств составления каждого конкретного дела.

Позицию о «сценарном» характере материалов следственных дел разделял Поликарпов. По мнению историка, материалы допросов содержат полностью сфабрикованные показания и свидетельства, которые фиксируются благодаря заранее выработанному сценарию. Данные документы смогут помочь историку в составлении полной картины деятельности НКВД только тогда, когда в поле зрения исследователя попадут задачи, ставившиеся следователями. Эти задачи

возможно будет выяснить только при наличии в источниковом арсенале материалов оперативного планирования и внутренней переписки [15].

Методологические рекомендации к применению «дискурсивного» подхода были высказаны Луцишиным, который считал, что историку важно уметь фильтровать свидетельства, отбрасывая явно сфальсифицированные факты. Автор говорил о том, что всесторонний анализ протоколов допросов позволит историку корректно и независимо использовать факты в исследовании деятельности НКВД. В первую очередь ученый акцентирует внимание на отбрасывании «коммунистических» ярлыков и эпитетов и сосредоточении на «живых» словах подсудимого. Кроме того, автор убежден в важности привлечения материалов предварительного следствия.

Расширение источниковой базы материалов следственных дел НКВД, особенно в региональном аспекте, доказало, что определение достоверности исторических фактов в подобных свидетельствах является не такой сложной задачей для исследователя. Впервые на данное обстоятельство обратил внимание С. В. Журавлев. Он писал: «Откровенные смысловые фальсификации не носили массового характера, так как в этом не было необходимости» [9].

Журавлев представил рекомендации по определению степени достоверности следственной документации. Эти рекомендации легли в основу очередного источниковедческого метода учета факторов и двойной перепроверки данных, который дополнял «сценарный» и «дискурсивный» подходы. С точки зрения ученого, фальсификацию данных выдают несколько существенных обстоятельств, таких как явная абсурдность изложенных фактов, неправдоподобие следственного вымысла и т. д. Более того, автор указывает на то обстоятельство, что проверка данных, полученных из материалов следственных дел должна осуществляться традиционным методом, который предполагает привлечение независимых источников. Источниковедческий анализ должен включать в себя изучение тех обстоятельств, которые повлияли на возникновение следственных показаний, таких как личность следователя, изменение поведения подследственного, а также хронология протекания следствия.

Методологические рекомендации Журавлева были развиты Дюковым, который сумел сформулировать полноценную методологическую инструкцию, представляющую собой порядок действий, разделенных на несколько этапов источниковедческой критики. В первую очередь, перед исследователем стоит краеугольная задача — дать ответ на ряд содержательных вопросов, предъявляемых к источнику. В частности, речь идет о выяснении порядка следственного дела, задач, стоящих перед конкретным следователем, а также характера показаний и степени свободомыслия осужденного. Таким образом, достигается общая степень фальсификации конкретного дела. Второй этап предполагает перепроверку полученных сведений через привлечение независимых источников. Автор отмечает: «Если зафиксированная в протоколах допросов информация подтверждается независимыми источниками — вопрос о достоверности решен» [7].

Применение каждого из вышеперечисленных методов уместно при рассмотрении конкретного следственного дела. Думается, что метод учета факторов и двойной перепроверки данных, обоснованный Журавлевым и Дюковым, является более гибким, объемлющим и реализуемым к большому количеству конкретных следственных дел.

Выводы

Проведенный анализ показал, что на современном этапе постсоветской историографии нарастает процесс переосмысления подходов к оценке материалов следственных дел НКВД, которые в 1990-е гг. нередко характеризовались как «недостоверные». Одновременно происходят важные перемены в использовании методов источниковедческой критики этого вида источников. Это позволило существенно расширить исследовательское пространство проблемы, обратиться к сюжетам, которые ранее находились на периферии научных интересов историков — внутренняя жизнь карательного ведомства, механизмы репрессивных практик, формирование образа «врага народа», повседневная жизнь и представления человека, оказавшегося под следствием и др. Более того, материалы следственных дел стали основой для формирования единой базы данных жертв политических репрессий, на которой в последние годы базируются исследования по социальной истории. В то же время широкий комплекс архивно-следственной документации остается недоступным для исследователей проблемы. Дальнейшее «смягчение» этих ограничений могло бы стать важным шагом на пути формирования законченного и полноценного научного представления о таком сложном и противоречивом виде исторического источника как следственные дела НКВД периода сталинских репрессий 1930-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьич Б. В. «Академическое дело» как исторический источник / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Исторические записки. Москва, 1999. № 2. С. 120.
2. Бакулин В. И. Кадровые «чистки» в 1933-1938 гг. в Кировской области и проблемы консолидации советского общества / В. И. Бакулин // Отечественная история. 2006. № 1. С. 148-153.
3. Бакулин В. И. Нижегородская краевая организация Трудовой Крестьянской партии: история возникновения и гибели / В. И. Бакулин // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 175-176.
4. Быкова С. И. Материалы политического следствия 1930-х гг.: от фальсификаций к мистификации / С. И. Быкова // Историографические интерпретации. 2010. С. 130-146.
5. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. / А. Ю. Ватлин. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 256 с.
6. Дугин А. Н. Архивно-следственные дела ЦА ФСБ России как исторический источник / А. Н. Дугин // Вопросы истории. Москва, 2020. № 12. С. 168-188.

7. Дюков А. Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД / А. Р. Дюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 74-89.
8. Елпатьевский А. В. Следует ли публиковать документы сфальсифицированных дел? / А. В. Елпатьевский // Отечественные архивы. 2000. № 5.
9. Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация / С. В. Журавлев // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. Под ред. А. К. Соколова. Москва, 2014.
10. Литвин А. Л. Российская историография государственного террора в стране, 1917-1953 / А. Л. Литвин. Москва: Собрание, 2019. 364 с.
11. Литвин А. Л. Следственные дела как исторический источник / А. Л. Литвин // Эхо веков. 1995. № 2. С. 170-176.
12. Луцишин А. В. К вопросу об использовании материалов следственных дел политических процессов в 20-30-х гг. в качестве исторических источников / А. В. Луцишин // Фундаментальная наука ВУЗам. 2009. № 4. С. 234-242.
13. Мишина Е. М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935-1937 годах: анализ базы данных и архивных материалов / Е. М. Мишина // Пермь: Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 45-56.
14. Нуйкина Е. Ю. Документы судебного-следственного производства как источник для изучения религиозной политики советского государства. 1917-1930-е годы: дисс. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Нуйкина. Москва, 2020. 228 с.
15. Поликарпов В. В. Вступительная статья к публикации / В. В. Поликарпов // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 3-12.
16. Потемкина М. Н. Перспективы использования архивно-следственных дел 1930-1940 гг. в источниковедческой практике / М. Н. Потемкина // Мир историка и пространство истории: сб. ст. к юбилею профессора Н. Н. Алеврас. Под ред. Н. В. Гришиной, Т. А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 275-285.
17. Репников А. В. Из опыта публикации документов следственных дел политического характера / А. В. Репников // Гуманитарный вестник. 2012. № 4. С. 22-29.
18. Романова С. Н. «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян, 1937-1938 гг. / С. Н. Романова // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 4-12.
19. Суслов А. Б. Использование фальсификаций в деятельности Пермских чекистов в годы Большого Террора / А. Б. Суслов // Вестник Удмуртского университета. Ижевск. 2014. № 1. С. 95-99.
20. Терехов С. В. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации / С. В. Терехов. Екатеринбург, 2003. С. 191.

Daniil D. CHEKANOV¹

UDC 930

**INVESTIGATIVE CASES AS A SOURCE FOR STUDYING
POLITICAL REPRESSION IN THE 1930S:
DISCUSSIONS IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY**

¹ Master Student of Historical Urbanism,
Institute of Social Sciences and Humanities,
University of Tyumen
stud0000104020@study.utmn.ru

Abstract

The article analyzes the approaches of domestic post-Soviet researchers to the use of the investigative files of the NKVD as a historical source for the reconstruction of the causes, dynamics and consequences of political repressions of the 1930s. The positions of the participants in the discussion on key problematic issues related to the completeness and reliability of the informative potential of investigative cases, the interpretation of the information contained in them, the choice of methodological tools for source criticism are determined. It has been established that at the present stage of the development of historical science, the researcher's appeal to traditional methods and techniques of analysis of the named type of historical sources is combined with the use of new approaches that allow conducting a "dialogue" with the alleged author of the document, which can act as a person under investigation (author of complaints, letters and others), as well as an employee of investigative bodies (compiler of interrogation protocols, reporting information etc.). In combination with other factors, this practice not only expands the research space of the problem, but also shifts the perspective of its scientific analysis to plots that have not been adequately reflected in the works of historians and, at best, are represented by fragmentary information. Recommendations are proposed to improve the effectiveness of scientific research in this area of historical science. In this regard, the problem of limited access of scientists to a wide range of archival and investigative documentation is actualized. It is shown that the removal or "softening" of

Citation: Chekanov D. D. 2021. "Investigative Cases as a Source for Studying Political Repression in the 1930s: Discussions in Post-Soviet Historiography". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 247-261.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

the remaining restrictions is an important condition for the formation of a holistic and systemic scientific understanding of such a complex and non-trivial form of a historical source as the investigative cases of the NKVD.

Keywords

Political repressions of the 1930s, post-Soviet historiography, archival investigative affairs, “archival revolution”.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-247-261

REFERENCES

1. Ananich B. V., Paneyakh V. M. 1999. “‘Academic business’ as a historical source”. *Historical Notes*. Moscow. No. 2, pp. 120. [In Russian]
2. Bakulin V. I. 2006. “Personnel ‘purges’ in 1933-1938 in the Kirov region and the problems of consolidation of Soviet society”. *National History*, no. 1, pp. 148-153.
3. Bakulin V. I. 2006. “Nizhny Novgorod regional organization of the Labor Peasant Party: the history of the emergence and death”. *Leafing Through the History of the Page: Vyatka Region and all of Russia in the 20th Century*. Kirov. Pp. 175-176. [In Russian]
4. Bykova S. I. 2010. “Materials of the political investigation of the 1930s: from falsifications to hoaxes”. *Historiographic Interpretations*. Pp. 130-146. [In Russian]
5. Vatlin. A. Yu. 2004. *Terror on a Regional Scale. “Mass operations” of the NKVD in the Kuntsevsky District of the Moscow Region 1937-1938*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 256 p. [In Russian]
6. Dugin A. N. 2020. “Archival and investigative affairs of the Central Asia FSB of Russia as a historical source”. *Questions of History*. Moscow. No. 12, pp. 168-188. [In Russian]
7. Dyukov A. R. 2018. “On the question of the admissibility of the use of investigative testimony obtained by the OGPU-NKVD bodies”. *Izvestia of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences*, no. 3, pp. 74-89. [In Russian]
8. Elpatievsky A. V. 2000. “Should documents of falsified cases be published?”. *Domestic Archives*, no. 5. [In Russian]
9. Zhuravlev S. V. 2014. “Forensic and prison camp documentation”. *Source Study of the Modern History of Russia: Theory, Methodology, Practice*. Edited by A. K. Sokolov. Moscow. [In Russian]
10. Litvin A. L. 2019. *Russian Historiography of State Terror in the Country, 1917-1953*. Moscow: Collection. 364 p. [In Russian]
11. Litvin A. L. 1995. “Investigative cases as a historical source”. *Echo of Centuries*, no. 2, pp. 170-176. [In Russian]
12. Lutsishin A. V. 2009. “On the use of materials from investigative cases of political processes in the 1920s and 1930s. as historical sources”. *Fundamental Science of Universities*, no. 4, pp. 234-242. [In Russian]
13. Mishina E. M. 2014. *Social Characteristics of the Repressed in Altai in 1935-1937: Database Analysis and Archival Materials*. Perm: Perm University Herald. No. 4, pp. 45-56. [In Russian]

14. Nuikina E. Yu. 2020. "Forensic documents as a source for studying religious politics in the Soviet state. 1917-1930s". Cand. Sci. (Hist.) diss. Moscow. 228 p. [In Russian]
15. Polikarpov V. V. 1998. "Introductory article for publication". Questions of History, no. 11-12, pp. 3-12. [In Russian]
16. Potemkina M. N. 2018. "Prospects for the use of archival investigation files 1930-1940 in source study practice". The World of the Historian and the Space of History: Collection of Articles for the Anniversary of Professor N. N. Alebras. Edited by N. V. Grishina, T. A. Andreeva. Chelyabinsk: Encyclopedia. Pp. 275-285. [In Russian]
17. Repnikov A. V. 2012. "From the experience of publishing documents of investigative cases of a political nature". Humanitarian Herald, no. 4, pp. 22-29. [In Russian]
18. Romanova S. N. 2001. "'Cases on the accusation' of the Orthodox clergy and laity, 1937-1938". National Archives, no. 4, pp. 4-12. [In Russian]
19. Suslov A. B. 2014. The Use of Falsifications in the Activities of the Perm Chekists During the Great Terror. Izhevsk: Udmurt University Herald. No. 1, pp. 95-99. [In Russian]
20. Terekhov S. V. 2003. Recruits of a Great Idea. Technicians in the Period Stalinist Modernization. Ekaterinburg. P. 191. [In Russian]